

СВЕТЛАНА НИЗОВЦЕВА

Сектор фольклора Института языка, литературы и истории Коми
НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

РАССКАЗЫ О «СТРАШНЫХ» ГАДАНИЯХ В КОНТЕКСТЕ СВЯТОЧНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ С. ЛОЙМА

Лойма — русское село, расположенное на территории Республики Коми и входящее в Прилузский район республики. Лоемский куст деревень, как отмечают исследователи, издревле представляет собой так называемое «анклавное» образование, сохранившее русскую культуру и язык в иноязычном окружении¹. Формирование лоемской традиции связано с миграциями русских из северных и северо-восточных губерний по торговому тракту на Вятку и Сибирь в XVIII–XIX вв.². Фольклорную традицию Лоймы исследователи рассматривают в контексте севернорусского фольклора Лузы (Вятский край), сформировавшегося под определенным влиянием Устюжской земли³.

Лоемская фольклорная традиция уже становилась предметом специального изучения фольклористов ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Начиная с 2004 г. сотрудниками сектора фольклора было предпринято несколько экспедиционных выездов в с. Лойма (2004, 2006, 2009, 2010 гг.), результатом этих экспедиционных изысканий стали научные работы, посвященные отдельным

¹ Т.Н. Бунчук, *Языковой портрет говора села Лойма Прилузского района Республики Коми*, «Научный диалог» 2014, № 4 (28), Филология, с. 7.

² Ю.А. Крашенинникова, А.Н. Рассыхаев, Л.С. Лобанова, *Отчет о полевых исследованиях фольклорно-этнографической экспедиции в Прилузском районе Республики Коми в 2004 году* // НА Коми НЦ, ф. 5, оп. 2, д. 742, с. 5.

³ А.Н. Власов, Т.С. Канева, *К проблеме феноменологии локальных традиций (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского Северо-Востока России)* // *Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения. Сборник научных трудов*, СыктГУ, Сыктывкар 2006, с. 25.

фрагментам и явлениям лоемской традиции⁴. В данной статье будем опираться на материалы из этих экспедиций.

Ранее мы уже обращались к анализу рождественской и святочной обрядности Лоймы⁵, но на гаданиях подробно не останавливались. Восполним этот пробел и представим святочные гадания, которые являются составной частью святочной обрядности и связанных с ней представлений, и определяются как «ритуал, направленный на контакт с потусторонними силами с целью получения сведений о будущем»⁶.

От Рождества до Крещения начинается святочный период — в Лойме он, как и повсеместно, называется Святки, а вторая половина от старого Нового года (14 января) и до Крещения (19 января) получила название Страшные или Стр́ашные вечера. Семантика термина обусловлена представлениями об активизации в этот период нечистой силы и переживаемым в связи с этим чувством страха. Период Святки характеризуется переходностью и открытостью этого времени, проницаемостью пространственных границ. Как отмечают исследователи, «мифологический контекст этого периода был обусловлен возможностью выйти на контакт с потусторонним миром»⁷. Именно в период Страшных вечеров в Лойме было принято и предписано гадать.

В корпусе нарративов о гаданиях можно выделить два типа текстов: 1) простые краткие сообщения о видах и способах гадания; 2) развернутые рассказы о конкретных гаданиях, связанных с участием самого информанта или близких/знакомых ему людей из местного сообщества. Как правило, тексты второго типа появляются в интервью после называния отдельных видов гаданий и служат подтверждением/наглядным примером того,

⁴ См., например: Ю.А. Крашенинникова, *Похороны «по-репному» (о некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских)*, «Антропологический форум» 2009, № 10, с. 299–310; Ее же, *Лечебный заговорно-заклинательный репертуар русского населения с. Лойма Прилузского района Республики Коми (в записях нач. XXI в.)*, «Традиционная культура» 2013, № 3, с. 169–175, и др.

⁵ С.Г. Низовцева, *Рождественская обрядность в устных рассказах жителей с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми // Филологические исследования — 2017. Сб. статей*, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар 2017, с. 16–23.

⁶ Л.Н. Виноградова, *Гадания // Н.И. Толстой (ред.), Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, т. 1, Международные отношения, Москва 1995, с. 482.

⁷ А.В. Черных, *Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в.*, ч. II. Зима, Пушкин, Пермь 2008, с. 89.

о чем рассказывается. Они имеют статус достоверных историй, подкрепленных конкретными примерами из личного опыта, некоторые из них, в частности, о так называемых «страшных» гаданиях, можно отнести к категории быличек⁸.

В коллекции устных святочных рассказов заметное место занимают рассказы о «страшных» гаданиях. В процессе гадания происходит реальный контакт с нечистой силой, как правило, не визуализируемый, т.к. представитель «иного» мира невидим для гадающих, он может проявить себя действиями (например, перенести гадающих в другое место) или звуками (на уровне слуховых галлюцинаций), которые вызывают сильные эмоции и чувство страха. Данные виды гаданий обозначены в рассказах единичными лексемами — «слушались» или «смотрелись»/«гляделись», в семантике которых заключены указания на основные действия, производимые при процессе гадания.

Довольно часто рассказы о гаданиях сопровождаются какой-либо «страшной» историей для подтверждения значения «страшных» вечеров и связи с нечистой силой. В коммуникативной ситуации подобные рассказы приобретают функции былички, опираясь на формулировку Людмилы Н. Виноградовой⁹, отметим основные из них: информативная («сохранить в коллективе информацию о соседствующих с человеком потусторонних силах»), дидактическая («обучить слушателей правилам общения с нечистой силой, предупредить об опасности»), эмоциональная («рассказать о страшном, дать возможность пережить (и тем самым) преодолеть чувство страха»).

[В Страшные вечера] чертей кликали что попало. Одна задумала, чё ли, видно, жениха ли надо. Надо в амбар зайти и запереться ли как ли. Нет, слушаться она ушла — в амбар запереться. Одна она зашла в амбар. А потом другие пошли по улице. Будто голос чуют: «На сусечине пересечена человека». На сусеках-то в амбаре хлеб-то держали в каких. «На сусечине (сусек

⁸ Ориентируясь на определения Н.И. Толстого и Л.Н. Виноградовой, под быличкой понимаем небольшой суеверный рассказ в форме мемората или фабулата о встрече человека с нечистой силой, имеющий установку на достоверность. Н.И. Толстой, *Быличка // Славянские древности...*, с. 278; Л.Н. Виноградова, *К вопросу о функционировании жанра былички в современных условиях // Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры. Сб. научных статей*, вып. 12, ГРЦРФ, Москва 2009, с. 348.

⁹ Л.Н. Виноградова, *Былички и демонологические поверья: границы фольклорного текста*, «Живая старина» 2004, № 1, с. 12–14.

РАССКАЗЫ О «СТРАШНЫХ» ГАДАНИЯХ...

это) пересечена человечина». Амбар-то открыли, девка-то не жива. А тут она пошла послушаться к амбару-то, знали, что девка-то в амбаре. А им сказали, что на сусечине пересечена человечина. Они амбар-то открыли, девка-то не жива. Это так и называли Страшные вечера¹⁰.

Представленный текст можно назвать классическим образцом «страшного» рассказа, в котором отражены основные маркёры ритуала «страшного» гадания: опасное место гадания («надо в амбар зайти и запереться»), способ гадания («слушаться она ушла»), обращение к нечистой силе («чертей кликали»), контакт с нечистой силой на уровне слуховой галлюцинации («будто голос чуют»), страшный итог гадания («девка-то не жива»). Для усиления эмоционального восприятия рассказчик повторяет сюжетный мотив и формульную фразу «На сусечине пересечена человечина» несколько раз. Закодированный «ответ» мифологического персонажа, предсказавшего смерть девушки, на наш взгляд, близок сказочной образности.

Похожий сюжет о гадании в амбаре с «ответной» формулой («на сусечине лежит пересеченный мужик») встретился нам в статье Анатолия В. Панюкова, который предпринял попытку проанализировать устные мифологические рассказы с позиций лингвосемантического подхода¹¹. Он относит подобные сюжеты к текстам с «двойной реальностью», в которых, по мнению автора, наблюдается пересечение мифологического и реального, денотативного, уровней:

Мифологический уровень данного сюжета: МП убивает человека, находящегося в опасном месте в опасное время; немифологический уровень: человек «пересечен», потому что находится там, где «секут». В рамках взаимодействия мифологического и реального «сусек» выступает в роли объекта-медиатора: с одной стороны, это место для хранения зерна, с другой — место контакта с «иным» миром. Возникающая в данном тексте фонетическая мотивированность слова *сусек* соединяет оба уровня. Используемые интексты (словесные выражения как семантическое ядро повествования — *С.Н.*) представляют собой жесткую поэтическую конструкцию, что позволяет языку перевести эту детерминированность и на лексический уровень...¹².

¹⁰ Зап. Ю.А. Крашенинникова 26.05.2004 в д. Козловская Лоемского с/с от З.П. Помысовой, 1909 г.р. Далее в комментариях указание на Лоемский с/с опускаем, поскольку деревни относятся к Лоемскому с/с.

¹¹ А.В. Панюков, *К проблеме поэтики устных мифологических рассказов: лингвосемантический подход // Славянская традиционная культура и современный мир*. Сб. научных статей по материалам конференции. Вып. 9, ГРЦРФ, Москва 2006, с. 86–105.

¹² Там же, с. 102–103.

Рассказы о том, как «слушались», одни из самые распространенных сюжетов в Лойме. Слушались в разных местах, как на улице (на перекрестке дорог, около проруби, под скобой на мосту), так и в пространстве дома (под окнами, под дверной скобой, на пороге, в голбце) или нежилых построек (овин, амбар, баня). Выбранные места гаданий, такие как перекрестки дорог (местн. — ростани, кресты), бани, овины и пр., наделялись особым мифологизированным статусом и в совокупности с временным периодом (вечер, ночь) считались местами скопления и активизации нечистой силы.

Одно из самых страшных и опасных гаданий-слушаний проводилось на перекрестке, реже — у проруби, часто с использованием коровьей/овечьей шкуры или кожи, и требовало строгого соблюдения ритуала, в т.ч. знание особых приговоров на начало и конец гадания (в местной терминологии — заговор, приговор, отговор, прибаутка). Например, на перекрестке очерчивали круг, вставляли внутрь него или садились на шкуру, накрывались полотенцем или скатертью¹³ и заговаривались. Зафиксирован приговор на начало гадания: «Черти, кутите-мутите, нам правду скажите» (более подробный вар.: «Черти, кутите-мутите, нам всю правду скажите, умрем ли замуж уйдем»)¹⁴. Окончание гадания также должно было сопровождаться отговором (по словам информанта «Трижды читали 'прибаутку', чтобы черти не привязались»¹⁵), один из вариантов: «Уж-то отпили, уж перепили, уж умолкни, уж перестань»¹⁶; или следовало нецензурно выругаться, иначе нечистая сила будет преследовать гадающих. Ср.:

Старые-то те, до меня, те ещё пуще гадали. Ходили еще слушались. Мы-то тоже уж дичали. Соберемся табуном, какая-то у нас жожака-то, старшая-

¹³ В разных видах гаданий сакральность пространства усиливалась использованием при гадании других предметов, представляющих дополнительную пространственную границу (А.В. Черных, *Русский народный календарь в Прикамье...*, с. 102). Например, гадающие использовали скатерть или полотенце, с одной стороны, как средство закрыть пространство — «закрыть глаза» и усилить способность «услышать», с другой стороны — как апотропеическое средство, как защиту и оберег.

¹⁴ Зап. Ю.А. Крашенинникова 26.05.2004 в д. Козловская от З.П. Помысовой, 1909 г.р.

¹⁵ Зап. А.Н. Рассыхаев, Л.С. Лобанова 27.05.2004 в дер. Тарасовская от Л.И. Семенюк, 1938 г.р.

¹⁶ Там же.

РАССКАЗЫ О «СТРАШНЫХ» ГАДАНИЯХ...

то девка, есть. Бежим там на росстани... [Старшая скажет]: «На росстани девки пойдемте ворожить». Скажем, заветят на меня. Идем на росстань-ту, а эта старшая-то кругом нас очертит, чтобы нас черти-то ничего не сделали, такая примета была. Всё нас очертит кругом. И потом зачнёт загадывать, давай, вот на тебя, как вот — уйдешь ли замуж (большие девки-то). Все в одном кругу стоим. Старшая-то говорит, давай сегодня на тебя заветим, чё учуем. Опять займется: «Черти, кутите-мутите, нам правду скажите». Что в сегодняшнем году будет, скажем, с такой девушкой, мне вот так [показывает]. Послушаем, все молчим, слушаем, что, в какой деревне, что учуем. В иной деревне, как замуж кому идти, колокольцы нарочно, кто-то колокольцами [бренчат]. Ууу, свадьба будет, колокольцы бренчат. А кто-то чё-то рубит — как будто умрет та девка¹⁷.

В рассказе информант сначала выдает сведения о том, как гадали, и называет этот способ одним словом — «слушались». Непосредственно специфика гадания раскрывается уже в последующей истории из личного опыта информанта. Причем в структуре рассказа актуализируются предписания на правильность проведения ритуала: необходимость очерчивания («чтобы черти ничего не сделали»), чтение приговора, определенные поведенческие нормы («все в одном кругу стоим», «все молчим, слушаем») и пр.

Приговоры на начало гадания всегда начинались с прямого обращения либо к медиаторам/посредникам (в данном случае, к представителям нечистой силы — «Черти, кутите-мутите...»), либо непосредственно к предмету гадания, как в гаданиях с зеркалом («Суженый-ряженный, покажись...») и содержали приказ-просьбу. В вербальных формулах-ответах, зафиксированных в нескольких вариантах («Уж-то пили, уж перепили, уж-то уж полно, уж перестань»; «Уж то чули, уж то перечули, уж то полно, уж то перестань», «Чуй, пили, чуй, перепили»), используются синтаксические и фонетические приемы (повтор и аллитерация), прослеживается принцип эвфемистического искажения слов. Вербальная формула также носит приказной характер, в ней содержится иллокутивное значение просьбы-приказа: последние слова «полно» (в значении «хватит») и «перестань» должны подвести итог гаданию и «закрыть портал» в другой мир. В отличие от приговоров на начало гадания, в ответах отсутствует конкретный адресат, он подразумевается, но не называется. Возможное произнесение в текстах ответов слов на

¹⁷ Зап. Ю.А. Крашенинникова 26.05.2004 в д. Козловская от З.П. Помысовой, 1909 г.р.

другом языке¹⁸ или зауми¹⁹ имеет особую прагматику — противопоставляется обыденной речи и придает магическим текстам значимость и сакральность. В этом контексте использование повторов и включение в текст зауми должны усилить воздействие приговоров.

Немотивированный контакт с нечистой силой, по рассказам информантов, часто провоцируется именно незнанием отговора. Тем, кто не успел отговориться или забыл как, угрожала смертельная опасность. Записаны рассказы о разных случаях подобных гаданий, когда в процесс вмешивалась нечистая сила, что приводило или к смерти гадающего, или чаще — к его временному беспамятству. К примеру, в одном из рассказов девушки, взяв овчинную шкуру, пошли гадать на «кресты». Бабушка научила приговору для гадания, а отговор забыла сказать, и гадающих оттащило на шкуру на километр от места гадания. Вспомнив о своей забывчивости, бабушка нашла пропавших, прочитала отговор, и только после этого девушки смогли сойти со шкуры и пойти домой. В другом рассказе девушка, гадающая на коровьей шкуре на перекрестке, забыла отговор и, по мнению рассказчика, не без участия нечистой силы, очутилась у проруби, лишь вовремя прочитанная молитва позволила гадающей не уйти под лед и вернуться домой:

Вот как-то, это я слыхала, к прорубе-то ходили. Одна девушка села на кожу, и стала слушаться, а отговориться-то не могла. Потом очулась у проруби, на реке у проруби. Да как-то тоже пришла домой, не стащили черти-то. Кожа-то это, видишь, раньше [с] коров-то сымают кожи те. Дак она на эту кожу села. [А где она была?] На улице, на росстанях. На росстани

¹⁸ В различных источниках мы нашли толкование отдельных лексем: Чули-чули — межд. разг. Употребляется при обозначении, при передаче звуков, издаваемых некоторыми птицами (Т.Ф. Ефремова, *Современный толковый словарь русского языка* 2000, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/281738/%D1%87%D1%83%D0%BB%D0%B8> (5.07.2018). Слова «чули-перечули» есть в одной из украинских песен («Чули-перечули, а що з нами було?»), в украинском языке слово «чули» означает 'слышать' (*Руся. Книга песен*, <http://booksong.ru/rusja/chuli-perechuli.html>, 05.07.2018). Сочетание «Чули-пели» фиксируется в коми языке и означает 'в разные стороны, в беспорядке' (Л.М. Безносикова, Е.А. Айбабина, Р.И. Коснырева, *Коми-русский словарь*, Коми книжное издательство, Сыктывкар 2000, с. 719).

¹⁹ См.: Заумь — разновидность ритуальной речи, представляющая собой бессмысленный набор непонятных, искаженных слов, обычно ритмически организованных и зарифмованных. Е.Е. Левкиевская, *Заумь // Славянские древности*, т. 2, Москва 1999, с. 279–282.

РАССКАЗЫ О «СТРАШНЫХ» ГАДАНИЯХ...

садились. И села, и заговориться-то заговорилась, а не отговорилась. И ее потащили и к проруби утащили, потом очутилась у проруби. Стала уж креститься, молиться, дак потом пришла домой²⁰.

Структура рассказов включает два основных элемента: короткую завязку или экспозицию, в которой содержится информация о способе гадания («ходили слушались»), источник сведений («это я слыхала»), временные/географические характеристики («это меня еще не было», «событие у нас в деревне было»), этот «зачинный» компонент текста служит, прежде всего, для верификации дальнейшего повествования, и собственно основную часть — рассказ о конкретном гадании. Мотив страха напрямую реализуется только в одном тексте в конечных комментариях: «Больше не бывали эти девки, напужались. Не ходили больше на эту овчину»²¹.

Другой вид «страшных» гаданий можно обозначить словом — «смотреться»/«глядеться» — это гадания с использованием зеркала, стакана с водой и кольца. Например, на пороге голбца (вар. перед челом печи) «смотрели в кольцо»: на блюде клали золу / песок, сверху ставили стакан с водой, в него опускали кольцо; в других вариантах — в стакан с водой опускали кольцо, перед собой ставили зеркало и произносили формулу: «Суженый-ряженный, приди ко мне»²², др. вар. «Суженый урод, будешь у ворот»²³. Необходимость знания и применения особых приговоров при гаданиях с кольцом также подчёркивается в одном из высказываний информанта: «У нас спускались в подпольё на завалину и там сидели. Но приговор надо знать, с приговором. А чё без приговору, воду налей да и здись смотри»²⁴.

Гадали, гляделись в зеркало. [...]. Вот не знаю, на Крещенье, собрались все, пришли к нам девки. Я одна жила, мужа в армию взяли, на войну. Ходили часто девки-те да гляделись. Поставили в чело [печи] зеркало, стакан воды, и в стакан опустили кольцо. На чело поставили стакан и за стакан

²⁰ Зап. Ю.А. Крашенинникова 28.05.2004 в д. Ивановская от А.Е. Низовцевой, 1918 г.р.

²¹ Зап. Ю.А. Крашенинникова 30.06.2010 в с. Лойма от А.П. Шехониной, 1925 г.р.

²² Зап. А.Н. Рассыхаев 25.05.2004 в д. Уркинская от А.В. Куликовой, 1923 г.р.

²³ Зап. Ю.А. Крашенинникова 26.07.2009 в д. Козловская от З.П. Помысовой, 1909 г.р.

²⁴ Зап. Ю.А. Крашенинникова 30.06.2010 в с. Лойма от А.П. Шехониной, 1925 г.р.

зеркало. И в стакан смотрелись. И пять девок было. Все пересмотрелись, никто никого не увидел. Потом Людмила Федоровна последняя села, учительницей была. Девушка уж она немолодая была. И она увидела в стакане, увидела: «Ой, ой, девки, кто-то у меня там есть». И мы все смотрели, видели: человек сидит в стакане в кольце в серёдке, и шапка серенькая. И вышла в тот год в Кулигу замуж. И та шапка, и тот мужик. И пять девок было, ни одна не видели, а она уж последняя и сразу [увидела]. [А еще как-то так гадали?] Вот гадали, садились, и [говорили]: «Если есть у меня суженый, мне привидься в стакане». Надо тихонько про себя сказать: «Если есть у меня суженый, покажись мне в стакане»²⁵.

Будущего жениха можно было увидеть в кольце, в воде, в отражении зеркала. Вода и ее аналог — зеркало — аккумулируют связь с иным миром, выступают проводниками и трансляторами видений с «того света». Причем, если увидишь в кольце жениха, нужно сразу сказать: «Чур, мой» (т.е. «зачуркаться»), в противном случае гадание не сбудется. В краткой вербальной формуле, сопровождающей гадание, встречается слово «чур», которое распространено в игровом фольклоре и имеет сакральный запрещающий смысл²⁶. Слово «чур» должно поставить невидимую границу, оградить от опасности, а в контексте гадания — обозначить свое право на жениха, «застолбить» видение.

Зафиксированы сведения о том, что смотрелись также между двумя зеркалами, такой вид гадания в народе считался наиболее опасным: «Гадали — в зеркало смотрелися... Вот большое зеркало стоит у нас, а в это я гляжусь. Перед собой маленькое держу, а сзади — большое. Ну и вроде как будто покажется, может, покажется человек через плечу. Вот это, бывало, тоже делают»²⁷.

В заключение отметим, что рассказы о гаданиях в системе святочной обрядности лоемской календарной традиции весьма распространены. Большой процент из всего корпуса текстов приходится на рассказы о так называемых «страшных» гаданиях, которые связаны с возможными контактами с нечистой силой. Эти виды гаданий, как правило, обозначены в рассказах единичны-

²⁵ Зап. Ю.А. Крашенинникова 28.05.2004 в д. Ивановская от А.Е. Низовцевой, 1918 г.р.

²⁶ Чур — возглас, означающий запрет касаться чего-н., переходить за какую-н. черту, за какой-н. предел (в заклинаниях против «нечистой силы», в играх и т.п.). Д.Н. Ушаков (ред.), *Толковый словарь русского языка*, том IV, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва 1940, стл 1307.

²⁷ Зап. Ю.А. Крашенинникова 26.05.2004 в д. Тарбиевская от А.А. Мокиевой, 1920 г.р.

РАССКАЗЫ О «СТРАШНЫХ» ГАДАНИЯХ...

ми лексемами — «слушались» или «смотрелись»/«гляделись». Знание специальных приговоров на начало и конец гадания можно рассматривать как неотъемлемое условие правильного проведения ритуала. Незнание отговора при гадании провоцирует встречу с нечистой силой и часто приводит к печальным последствиям.

Работа подготовлена в рамках проекта № 18-6-6-25 по Программе фундаментальных научных исследований УрО РАН.

Swietłana Nizowcewa

OPOWIADANIA O „STRASZNYCH” WRÓŻBACH W KONTEKŚCIE OBRZĘDOWOŚCI BOŻONARODZENIOWEJ MIESZKAŃCÓW WSI ŁOJMA

Streszczenia

Tematem artykułu są opowieści o wróżbach zapisane na początku XXI wieku w czasie badań terenowych w rosyjskiej wsi Łojma, znajdującej się na terytorium Republiki Komi. Dużą grupę tekstów tworzą relacje o tzw. strasznych wróżbach, w czasie których mogło dojść do kontaktu z siłą nieczystą. Ich istotnym elementem kompozycyjnym są specjalne formuły wypowiedziane na początku i na końcu czynności wróżebnych. Ich znajomość jest koniecznym warunkiem prawidłowego przeprowadzenia obrzędu.

Svetlana Nizovtseva

STORIES ABOUT SCARY FORTUNE-TELLING IN THE CONTEXT OF CHRISTMAS CEREMONIALISM OF RESIDENTS OF THE VILLAGE OF LOYMA

Summary

In article there are presented stories about Christmas fortune-telling of residents of the Russian village of Loyma of the Priluzsky district of the Komi Republic. To a research are attracted materials of expeditions of the beginning of the 21st century. The big percent from all corpus of texts consists the stories about so-called “scary” fortune-telling during which contacts with evil spirit was possible. In the context of telling there are fixed verbal spells for the beginning and the end of fortune-tellings which command can be considered as the integral condition of the correct ritual conduction.